

А. Н. МЕДВЕДЬ

Идеи В. И. Вернадского и научное творчество Л. Н. Гумилева

Весьма сложную и интересную концепцию научно-культурной эволюции человечества образуют мысли В. И. Вернадского, касающиеся истории науки, философии, его суждения о роли религии и искусства в жизни и развитии человеческого общества.

По нашему мнению, правомерно и сопоставление концепции В. И. Вернадского с концепциями представителей гуманитарных наук, рассматривающих проблемы этнологии, этнографии, культурологии.

Как известно, одним из самых замечательных исследователей, работавших в этих областях, был Л. Н. Гумилев, сфера научных интересов которого весьма обширна: он занимался историей, проблемами этногенеза, исторической географии, культурологии.

Автор статьи ставил себе целью рассмотреть узкий круг проблем, охватывающих концепцию В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу и теорию Л. Н. Гумилева о пассионарности и ее роли в процессе этногенеза¹.

Что же такое пассионарность?

Л. Н. Гумилев определял это понятие как непреодолимое внутреннее стремление (осознанное или чаще неосознанное) к деятельности*.

Кроме того, Гумилев не только признает термин «биосфера» (интерпретированный В. И. Вернадским), но и на его основе строит свои умозаключения и развивает свою теорию (здесь не случайно употребляется слово «свою», так как теория пассионар-

* Гумилев Л. Н. Биосфера и импульсы сознания // Природа. 1978. № 12. С. 98.

ности пока не вошла в число прочно усвоенных концепций и слабо подтверждена фактами истории).

В. И. Вернадский пишет, что биосферу определяют как область жизни, однако более точно ее следует определить как оболочку, в которой могут происходить изменения, вызванные солнечным излучением. Одним из этих изменений является такой процесс, как мутация живого вещества, особенно четко наблюдаемая в районах с повышенной солнечной радиацией. Для Л. Н. Гумилева очевидно, что солнечная энергия играет большую (если не основную) роль во вспышках пассионарности. Он утверждает, что пассионарный толчок может быть отождествлен с микромутацией*.

Кстати, в культурологии сейчас вполне приняты понятия так называемых «холодной» и «горячей» культур. Например, культура античности относится к «горячей», т. е. взрывной, культуре, раскалившей до предела общество Древней Греции и послывшей свои импульсы далеко за пределы Эллады. Явное «охлаждение» античной культуры наступает во времена императорского Рима. Потом — длительный период своеобразной «мутации» европейских народов, в результате которой современные итальянцы, живущие там же, где жили раньше древние римляне, отличаются от последних не только своей культурой, но даже чисто внешне.

Таким образом, можно сделать один предварительный вывод, подтверждаемый словами Л. Н. Гумилева: «Пассионарность можно причислить к природным факторам биосферы»**. Более того, пассионарность является важной частью биосферы, причем биосферы не Ламарка и Зюсса, а Вернадского.

Отметив эти факты, обратимся к проблеме ноосферы и посмотрим, насколько сходны позиции Вернадского и Гумилева в этом вопросе.

Здесь необходимо обратить внимание на проблему толкования и понимания самого понятия «ноосфера». Опять остановимся на терминах и их трактовке. В письме к Б. Л. Личкову от 7 сентября 1936 г. В. И. Вернадский, определяя и характеризуя ноосферу, пишет: «Ноосфера создалась в постплиоценовую эпоху — человеческая мысль охватила биосферу и меняет все процессы по-новому, и в результате энергия, активная, био-

* Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 595.

** Гумилев Л. Н. Биосфера и импульсы сознания // Природа. 1978. № 12. С. 100.

сферы увеличивается» *. Впрочем, четкое определение ноосферы здесь отсутствует, налицо лишь выявление ее характерных черт и степени связи с биосферой.

Здесь можно напомнить еще одну характерную черту ноосферы — это «единство и равенство по существу, в принципе всех людей, всех рас <... люди есть единое целое» **. И еще: «Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним <... становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого» ***.

Вот тут-то Гумилев впервые не соглашается с Вернадским. Он не рассматривает человечество как единое целое, признавая разделение его (человечества) на этносы и вполне допуская возможность раздробления на более мелкие образования и даже возможность их гибели. Да, этносы рядом живут, могут иметь между собой политические, экономические и культурные связи, но различия в образе жизни, в духовной культуре не дают повода для более тесного сближения этносов без ущерба для их культур. К тому же и пассионарный толчок каждый этнос испытывает по-разному... или же не испытывает его вовсе.

А ноосфера — явление всеобщее, равным образом охватывающее все этносы. Л. Н. Гумилев как бы остается в биосфере.

Различны взгляды ученых и на значение исторического процесса. Впрочем, некоторая двойственность в этом вопросе есть и у В. И. Вернадского. В другом письме к Личкову, от 1 октября 1940 г., он пишет: «Образование ноосферы вне воли людей <...> не может быть остановлено человеческой историей» ****. Но существует дневниковая запись В. И. Вернадского от 23 января 1943 г.: «Известия по радио показывают начало развала немцев. Будут изгнаны. Трудно охватить все последствия. Начало ноосферы» *****.

Признавая независимость ноосферы от событий человеческой истории, Вернадский тем не менее увязывает ее (ноосферы) поворотные моменты то с войной 1914—1918 гг., то со второй мировой войной.

* Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. С. 178.

** Там же.

*** Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. С. 509.

**** Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. С. 230.

***** Там же. С. 234.

Нет ли здесь противоречия? Думается, что нет. Между развитием ноосферы и человеческим обществом, несомненно, существует связь, но связь эта односторонняя, направленная от ноосферы к человеку, обратная же связь намного слабее.

А что же Гумилев? По его мнению, пассионарность, изменяющая лик человечества, не зависит от исторических событий. Верно и обратное — то или иное событие отнюдь не является проявлением пассионарного толчка. Сам по себе этот толчок часто настолько растянут во времени, что включает в себя сразу несколько поворотных для человеческой истории моментов. Например, Гумилев о начале этнической истории пишет так: «Оно несопоставимо с условными точками отсчета: основанием Рима, первой Олимпиадой, новой эрой, неправильно сопоставленной с рождением Христа, хиджрой и т. п. Равным образом не годятся для начала отсчета даты политической истории» *.

Здесь может возникнуть вопрос: все ли это имеет отношение к пассионарности, этногенезу и каковы же взгляды Гумилева на ноосферу?

Да, он уделил внимание этой проблеме. Именно проблеме, ибо Лев Николаевич был убежденным противником самой идеи ноосферы.

Он был знаком с работой Ю. П. Трусова, писавшего так: «По отношению к породившему его органическому миру общество имеет не только черты преемственности, но и глубокие принципиально новые черты, которые выделили его из всего биологического мира. Эти черты связаны прежде всего с разумом, познанием мира и социально организованным трудом» **.

Гумилев использует мысль Трусова для вывода: «Такое различие и заставляет многих ученых выделить из биосферы особую область — ноосферу, т. е. сферу разума. Верно ли это?» И чуть ниже, цитируя Ю. К. Ефремова *** , Гумилев как бы вместе с ним задает «подозрительный» вопрос: «Так ли уж разумна “сфера разума”? Ведь ее развитие ведет к замене живых процессов...» ****

* Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 596.

** Трусов Ю. П. Понятие о ноосфере // Природа и общество. М., 1968. С. 37—38.

*** Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1989. С. 315.

**** Там же.

Позволю себе привести еще цитату Гумилева: «Человеческое творчество вырывает из природы частицы вещества и ввергает их в оковы форм. Камни превращаются в пирамиды или Парфенон, шерсть в пиджаки, металл — в сабли и танки. А эти предметы лишены саморазвития...» * Кроме того, по словам Гумилева, кроме захламленных неолитических стоянок, развалин замков и проч., ноосфера не дала человечеству ничего.

Гумилев довольно последователен в своем неприятии ноосферы. Отвергая ее, он вводит вместо этого понятие пассионарности, ибо, «как бы редко ни наблюдалось это явление, только оно ведет к изменению лика Земли, а ныне даже состава атмосферы» **. Он считает, что только пассионарность (явление, не подвластное человеку, а руководящее им) меняет Землю.

Вспомним Вернадского, утверждавшего, что только человеческая мысль (явление, зависящее от воли человека) способна изменить «лик Земли».

Итак, из этих фактов можно сделать еще один вывод: беря за основу модель биосферы, описанную Вернадским, отталкиваясь от нее, Гумилев идет совершенно другим путем, переходя в явную оппозицию к идее ноосферы.

Впрочем, нужно признать, что и Вернадский не успел выработать четкой и последовательной системы взглядов на эволюцию формы и содержание ноосферы.

Видимо, эта незавершенность и дает возможность противникам ноосферы довольно аргументированно критиковать ее. Однако тут необходимо отметить такой факт: идея ноосферы понимается ее противниками ограниченно, как развитие науки и техники, ведущее к замене живых процессов.

Гумилев, соглашаясь с Ефремовым, пишет: «Короче говоря, как бы мы ни относились к идее существования ноосферы, полярность техники и жизни неоспорима» ***.

Налицо почти полное олицетворение ноосферы с техникой. Можно даже сказать, замена одного термина другим. Попробуем поставить вместо слова «техника» слово «ноосфера»: «Полярность ноосферы и жизни неоспорима». Есть ли разница? На наш взгляд, есть.

Можно согласиться с мыслью об опасности для жизни на Земле некоторых технических достижений.

* Там же.

** Гумилев Л. Н. Биосфера и импульсы сознания // Природа. 1978. № 12. С. 100.

*** Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1989. С. 316.

Но ведь ноосфера — это не только техника. Это «произведения гениальных поэтов и философов»*, народная культура и проч., то есть вещи в принципе неопасные для земной жизни растений, почв, животных.

Увы, некоторые исследователи трактуют термин «ноосфера» слишком узко, благодаря чему он приобретает отрицательные оттенки. Для оценки такого подхода в данном случае лучше всего подошло бы слово «недопонимание».

Но вернемся к выводам, сделанным чуть выше, и составляющим суть исследования. Это: 1) пассионарность действует на основе и по законам биосферы; 2) пассионарность сама по себе отрицает существование ноосферы, так как заменяет процессы, присущие последней (вспомним слова Гумилева о том, что только пассионарность ведет к изменению лика Земли).

Итак, по всей видимости, существует противоречие, в котором сказывается разница подходов двух исследователей к решению проблемы. Один, изучая кроме природных явлений еще и факты человеческой истории, пришел к выводу о ноосфере как главной движущей силе природного процесса; другой, анализируя кроме фактов человеческой истории еще и воздействие природных процессов, пришел к выводу о пассионарности, определяющей все в биосфере.

Но здесь и открывается самое интересное.

В. И. Вернадский в одном из писем к сыну написал: «Я очень рад, что ты очень ярко и просто выразил мою мысль о ноосфере как синтезе природного и исторического процесса» (2. VII. 1944)**. Здесь приведено одно из последних определений ноосферы, а следовательно, самое совершенное.

Л. Н. Гумилев, заканчивая одну из своих статей, пришел к такому выводу: «Итак, в наблюдаемой и доступной изучению истории мы видим сочетание социальных формообразований закономерностей с энергетическими импульсами из биосферы. <...> Это и есть постоянное взаимодействие истории природы и истории людей»***.

Мы наблюдаем интересную картину: две научные концепции на первых стадиях своего развития связаны друг с другом, потом происходит их резкое расхождение, но выводы, сделан-

* Гумилев Л. Н. Биосфера и импульсы сознания // Природа. 1978. № 12. С. 103.

** Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. С. 242.

*** Гумилев Л. Н. Биосфера и импульсы сознания // Природа. 1978. № 12. С. 105.

ные В. И. Вернадским и Л. Н. Гумилевым в их исследованиях, в принципе совпадают: изучение человеческой истории невозможно без изучения закономерностей природы. Этот принцип должен стать (и постепенно становится) основным в познании развития мира и развития человеческого общества.

